

LANDMARKS OF CULTURAL POLICY: INFORMATION SOCIETY

Petrov Vladimir Mihailovich, DSc of Philosophy, Professor, Chief Research Associate, Department of Art complex problems of the State Institute of Art History (Moscow, RF), Associate Professor of California University (Santa Cruz, USA), Vice-President of the International Association of Empirical Aesthetics

E-mail: vmpetr@yandex.ru

The paper outlines the general outlines recommendations for evidence-based cultural policy emanating from the undeniable fact of what happened (or is happening) of the transition to the information society.

Keywords: information society; information; social and cultural policies; system-information ideology; system-information approach.

УДК 316.324

ОРИЕНТИРЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

© Петров В.М., 2013

В статье обозначены общие контуры рекомендаций по проведению научно обоснованной культурной политики, исходящие из неоспоримого факта происшедшего (либо происходящего) перехода к информационному обществу.

Ключевые слова: информационное общество; информация; социальная и культурная политика; системно-информационная идеология; системно-информационный подход.

8

Почти бесплотность предпочти
Всему, что слишком плоть и тело!

Б. Пастернак

Почти бесплатно нам все в жизни даются.
Вон смотры – мандарины: сами растут,
купи только ножниц, стриги и кушай!
А вон речка течет, в ней форель –
купи удочка, поджарь и кушай!

Из застольной кавказской беседы

ПЕТРОВ Владимир Михайлович, доктор философских наук, профессор, главный сотрудник сектора комплексных проблем искусствоведения Государственного института искусствознания, (Москва, РФ), адъюнкт-профессор Калифорнийского университета (Санта-Крус, США), вице-президент Международной ассоциации эмпирической эстетики
vmpetr@yandex.ru

Информационное общество... В последние десятилетия о нем не говорят разве что ленивцы. (Я вовсе не имею в виду этих очаровательных трехпалых млекопитающих из зоопарка – речь идет о гораздо менее изящных пятипалых существах, разгуливающих на воле: наших "зоотечественниках-культурологах", которые ленятся осваивать что-то новое даже в сфере их профессиональной деятельности). Теперь это у всех на слуху: эпоха "постиндустриальной экономики" (которая, дескать, характерна для всех развитых стран), эра "информационного общества", etc. [Хотя, впрочем, до сих пор даже на вершинах "властных структур" иногда еще встречаются некоторые "невыспавшиеся" лидеры, призывающие свои страны ускорить "путь к индустриальному обществу"]. И действительно, сейчас уже имеется множество аргументов – свидетельств того, что в функционировании современного социума именно информация является главным "субстратом", гораздо более важным, чем вещество, энергия и иные материи.

Приведем по крайнем мере два довода в пользу радикальных информационных перемен, происходящих в настоящее время (либо недавно происшедших):

– все развитые страны уже во второй половине XX в. вступили в так называемую "третью фазу" ресурсно-информационных взаимо-

отношений [1], – когда вся деятельность центрируется на информации, – а не на ресурсе, а темпы роста информации, которой располагает социум, значительно превышают темпы роста всех ресурсов (как вещественных, так и энергетических);

– на первые два десятилетия XXI века пришла очередная полоса "левополушарного доминирования", – когда всю социально-психологическую сферу начинают пронизывать "аналитические" умонастроения, проявляющиеся во всех областях: во внешней и внутренней политике, стиле социальных отношений, стиле искусства и т.п.; такие полосы регулярно приходят, с полной периодичностью циклов около 48–50 лет [2]; между тем "левополушарность" тесно коррелирует с высокой ролью информационного компонента в функционировании системы.

Несомненность перехода к *информационному обществу*, казалось бы, должна была бы найти отражение в сфере социальной и культурной политики: в ней можно было бы ожидать какой-то переориентации? – Однако нет, никакого даже "шевеления" в этой области не удается обнаружить; не наблюдается никаких проблесков и в культурологии. [В связи с этой застывшей, статической картиной вспоминается перефразирование популярной песни "Подмосковные вечера", которую шутники-диссиденты переименовали в "Подмозговые вечера" и которая рисует ситуацию в советской литературе "застойного периода": *"Не слышать в траве даже Шолохова / Все здесь замерло до утра"*. И до сих пор наблюдается полная идиллия продолжающегося застоя – как в культуре, так и в науке о ней!] Культурология продолжает упорно игнорировать любые версии теоретико-информационного подхода, а в части практической – делает вид, что нет никаких существенных влияний на социокультурную реальность – со стороны колоссально возросшей роли информационных процессов. И это – при громогласно прокламируемом внимании (в особенности в отечественной "науке о культуре") к научно обоснованному "регулированию социокультурной сферы". А посему – коль скоро мы исповедуем *системно-информационную идеологию* [3], – нам имеет смысл выявить хотя бы самые общие следствия происходящих информационных сдвигов – в плане их влияния на культурную политику.

Квинтэссенция рекомендуемых "поправок"

Разумеется, сначала речь должна пойти о самых общих рекомендациях – в каком *направ-*

лении следуют влиять – скажем, средствами культуры – на состояние современного социума? И это – вопрос далеко не праздный, ибо даже направленность "вектора возможных перемен" – совершенно не очевидна. Здесь мы сталкиваемся, как правило, с парадоксальными ситуациями.

Вспоминается – еще с детских времен – случай, который описал Марк Твен: тетушка прислала своему любимому племяннику сотню яиц, – дабы он варил их, ибо ей была известна его любовь к "яйцам всмятку". Тетушка рекомендовала, чтобы для этого он варил их в течение трех минут. Племянник же, для гарантии, проварил яйца 5 минут – и попробовал. *"Яйца были все еще крутые"*, – и он решил варить дальше. Через несколько минут попробовал снова, – но *"яйца оставались по-прежнему крутыми"*, и т.д. Иными словами, даже самое общее направление яичных манипуляций было для племянника непонятным, ему надо было уяснить сначала самые азбучные истины. Точно так же и в приложении к проблемам социальной и культурной политики – начинать надо не с "конкретики" (скажем, не пытаться определить, какие конкретные направления в живописи либо в поэзии следует поддерживать), – а прежде найти *направление* вектора усилий, каковые трактуются как социально-целесообразные. [А в кулинарных терминах – надо выяснить, увеличивать ли срок кипения для приготовления яиц всмятку – либо, наоборот, надо уменьшать этот срок?]

Итак, в чем может заключаться социально-позитивный *вклад культурной политики* при переходе общества к информационной стадии развития?

Уже из работ М. Вебера [4] было известно, что именно изменения в *социально-психологической сфере* (и прежде всего в сфере религиозной) являются первичными во всем функционировании социума, а затем за ними следуют изменения в других сферах, включая экономику. Эту идею подтвердили – на огромном историческом материале, охватывающем также и современность, – исследования Л. Харрисона [5], который убедительно показал, что культура способна стимулировать радикальные перемены в социуме, но иногда может и привести социум к стагнации, и даже погубить саму себя, – хотя политика способна ее спасти.

В рамках системно-информационного подхода огромная роль культуры в жизни современного общества была показана теоретически и подтверждена эмпирически – социологическими данными [6]. Оказалось, в

частности, что около 50% всей социальной устойчивости – зиждется на *воздействии искусства*, как за счет прямых с ним контактов (при непосредственном "культурном потреблении"), так и за счет контактов не прямых (через посредников – членов социальных групп, реализующих диффузию культурных "флюидов"). Значит, *культурная политика* вполне способна оказывать весьма ощутимое (и даже определяющее) влияние на всю жизнь социума, чем умело пользовались некоторые социальные системы, в особенности тоталитарные. Для этого культурная политика должна концентрированно стимулировать нужные социально-психологические "флюиды". Недаром любимец Гитлера – главный нацистский архитектор Альфред Шпеер, будучи осужден Нюрнбергским трибуналом и отбывая срок в тюрьме Шпандау, возмущался тем, что его архитектуру называли "выражением нацистской идеологии", – ибо он считал, что в реальности его архитектура была самой нацистской идеологией! [7]. А недавние экспериментальные исследования показали, что порожденные нацизмом "стилевые флюиды" до сих пор продолжают "работать" при восприятии современными зрителями архитектуры тоталитарной эпохи [8].

Обращаясь к новейшей отечественной истории, автор этих строк вспоминает забавный эпизод времен его молодости, т.е. конца 1950-х – начала 1960-х годов, когда приятель-физик (далекий от поэзии) попросил научить его писать стихи. Для примера он взял передовицу из газеты "Правда", под заголовком *"Шире сеть кружков партийно-политического просвещения!"* – и предложил мне создать поэтическую квинтэссенцию этого текста, которая кратко, но доходчиво выражала бы его основные идеи – с целью воздействия на массового читателя. Я тут же, "не отходя от кассы", предложил ему убедительную версию:

*Повсеместно в эти дни
Зажигаются огни,
Чтоб политпросветработа
Довела людей до пота.*

*И политшколы, и кружки
Уж перестали быть узки:
Широкой массой мы шагаем,
Гранит науки раздолбаем!*

*Что в молоке и мясе сила –
Недавно партия решила.
Мы с мясом, маслом, молоком
Вперед к заветной цели прем!*

При всей карикатурности этого стихотворного переложения газетной передовицы, в нем, как в зеркале, отразился дух той эпохи, – когда именно на ресурс была направлена, в конечном счете, вся деятельность: в первых строчках речь идет, вроде бы, о процессах информационных, – но затем все оказывается сведенным к ресурсному компоненту – в его мясомолочном варианте. [*Apropos*, в то время более половины всего энергетического ресурса, которым располагала страна, было материализовано именно в продуктах питания, – а не в топливе или электроэнергии.] И даже социальная роль искусства зачастую оценивалась в плане его влияния на трудовую деятельность (на повышение производительности труда!).

Пафос всей тогдашней официальной идеологии был направлен на рост ресурса. Помнится, на одном торжественном заседании, устроенном по случаю очередной годовщины Великого Октября в нынешнем "Театре эстрады" (а тогда это был "Клуб Управления делами Совета Министров СССР"), докладчик – маленький кругленький крепыш-чиновник, взгромоздившийся на трибуну прямо под портретом Ленина, – сделал вдох, напыжился – и энергично выдохнул в микрофон: *"Товарищи, наша задача – в кратчайший срок максимально увеличить темпы наращивания мощностей!"* И хотя крепыш-докладчик, судя по габитусу, не был знаком ни с латынью, ни с итальянским языком, ни с математикой, – он точно выразил подноготную официальной идеологии, ее *квинтэссенцию* [*quinta* (итал.) – пятая, а одновременно – и *театральные кулисы*]: фактически в переводе на физико-математический язык, – докладчик говорил о *пятой производной от энергии* по времени (ибо мощность – это первая производная, наращивание мощностей – вторая производная, и т.д.).

А ведь общий дух эпохи (*Zeitgeist*) неизбежно влечет за собой многочисленные *следствия*, относящиеся к самым разным областям: от характера внешней политики – до внутреннего социально-политического "климата" общества, от ориентации на определенный тип аудитории – до соответствующих предпочтений в стиле искусства, etc. Так, известно, что "сильный тип" нервной деятельности тяготеет к контрастам, буйству красок, богатству выразительных средств и т.п., – тогда как "слабый тип", напротив, предпочитает лаконизм, сдержанность, скупость средств выражения, внимание к деталям, тяготеет к "малым формам" и т.п. [9]. Однако полный анализ всех подобных следствий (или стиливых проявлений общего

духа времени) увел бы нас далеко от непосредственной темы данного текста.

[Не следует обманываться видимостью "информационного духа" советской идеологии, которая иногда, уподобляясь христианской этике, прокламировала первенство духовных ценностей – над материальными. На самом деле при тоталитарном режиме информации отводится роль средства в распределении ресурса, а также в обеспечении ресурсной стабильности, потребления на заданном уровне. (Ведь при сколь-либо существенном повышении ресурсного благосостояния социальной системы – может оказаться "подточенной" ее устойчивость [10]. Потому-то и рухнула советская система так легко: противоречия между информационной видимостью и реальной ресурсностью – были слишком острыми, а порой – совсем кричаще-очевидными.)]

В целом два обозначенных "*полярных*" типа – ориентации социально-психологической сферы: на ресурс либо на информацию – вполне соответствуют хорошо известному феномену дивергенции, наблюдаемому в любой сложной системе, – "*специализации*" информационных процессов, а затем – их *пространственной локализации* [11]. *Фундаментальные причины* такого "информационного расщепления" коренятся в тех двух основных тенденциях, которые присущи любой системе:

А) тенденции "экспансии", т.е. увеличения энтропии состояний системы (растущего разнообразия ее поведения по отношению к меняющейся внешней среде);

Б) тенденции "идеализации", т.е. все более точного (адекватного) поведения системы, уменьшения энтропии поведенческих ошибок, совершаемых системой.

Каждая из этих двух тенденций порождает целый "сгусток" феноменов, например:

- половой диморфизм, т.е. расщепление любого продвинутого биологического вида на два класса особей (мужских и женских), специализирующихся на разных информационных функциях;

- функциональную асимметрию полушарий человеческого мозга, специализирующихся на разных процедурах переработки информации;

- концепции воспринимаемого повседневного пространства и повседневного времени, приводящие, в свою очередь, к появлению в культуре специальных средств для закрепления каждой из названных тенденций (для укрепления тенденции А используется фигуративная

живопись, а тенденции Б – академическая музыка).

Переход от "ресурсного" типа ориентации – к типу "информационному", конечно, может быть весьма трудным, а в некоторых случаях даже болезненным, – ибо дело может касаться смены целого комплекса взаимосогласованных психологических установок, социальных институтов, культурных феноменов и т.п. Но причем здесь *культурная политика*?

Очевидно, культурная политика способна вносить *два вида вкладов* в этот переход – можно:

- *) в ситуациях медленных, плавно развивающихся социально-психологических изменений – способствовать благополучному их протеканию (с высокой скоростью, – но гуманно, без катастрофических последствий для носителей данной культуры);

- **) в ситуациях резкого перехода от доминирования одного типа установок к доминированию другого типа – способствовать, во-первых, необратимости перехода (дабы избежать возможного "отката" – отказа от перехода, если социальная система "отшатнется" от нового состояния и захочет вернуться к прежнему состоянию), а во-вторых, обеспечивать благополучное протекание перехода.

Ну а за счет *каких мер* лучше всего *практически реализовать* подобные вклады культурной политики?

Культурная политика и внешние условия: курс на конвергенцию

Мы будем следовать выдерживавшейся нами ранее повсюду логике движения: от анализа возможных влияний внешней среды на эволюцию рассматриваемой системы (однако при готовности этой системы изменяться в должную сторону) – к рассмотрению внутренних процессов в системе. Поэтому прежде всего мы проанализируем "*внешнее обеспечение*" той социокультурной реальности, с которой нам приходится иметь дело. Соответствующие процессы могут относиться к различным уровням внешних взаимодействий социальной системы. Из их спектра мы остановимся на *двух крайних точках*.

На "*макроуровне*", отвечающем столь крупным взаимодействующим единицам, как страны (либо национальные культуры), – представляется естественным, чтобы информационно-ориентированной культурной политике – *способствовали бы извне* такие взаимодействия социальной системы, которые облегчали бы должную трансформацию ее со-

циально-психологической сферы. Первое – это достаточно интенсивные взаимодействия с *иными социальными системами* – более "продвинутыми" в своей "левополушарности" ("аналитизме"). Применительно к современным (хотя, впрочем, и не только современным) российским реалиям это, несомненно, означает определенную *"вестернизацию"* – ориентацию на явно более "левополушарные" культуры большинства западноевропейских стран. Впрочем, русской культуре не привыкать к феномену "двойной ориентации" [12]: в средневековье это была ориентация на славянские традиции и на культуру Византии, а позднее – на культуру русскую и западную (прежде всего французскую). *Apropos*, в аналогичной ситуации "двойной ориентации" оказалась и японская культура конца XIX столетия – после Реставрации Мейдзи и последовавшего крутого роста контактов с западными культурами [13].

Для благоприятного протекания в системе должных внешних взаимодействий – желательно обеспечить их соответствующей государственной *внешней политикой* (равно как и некоторыми компонентами политики внутренней), т.е. таким курсом международных отношений, который был бы направлен на открытие границ, законодательное облегчение индивидуальных и институциональных контактов (международных и межнациональных, включая процедуры браков, усыновлений и т.п.). Подобные меры упростили бы освоение многих "готовых блоков" социально-психологической сферы – подобно тому, как в рамках программно-целевого подхода к долгосрочному планированию развития культуры [14] важнейшую роль играют ее "ориентиры": уже "готовые", имеющиеся в наличии "опережающие группы" населения.

Что же касается опасений утратить национальную культурную специфику вследствие подобной интернационализации, – то они представляются беспочвенными, о чем свидетельствует хотя бы опыт культуры таких стран, как современная Германия, Япония, Тайвань и др. Но прежде всего – опыт русской культуры, необычайный расцвет которой в новое время, по мнению выдающегося философа русского зарубежья Г.П. Федотова [15], "оказался возможным лишь благодаря прививке к русскому дичку западной культуры" [16]. В общем же интенсификация межкультурных контактов вполне соответствует несомненно прогрессивной тенденции конвергенции (о плодотворности которой писал еще А.Д. Сахаров, 1991) [17].

[Отдельно следует отметить позитивную *генетическую роль* межнациональных контактов: как известно, они способствуют обогащению генофонда нации. (*Apropos*, именно такие контакты являются одним из источников многих наблюдаемых прогрессивных процессов.) Это в особенности важно для культур, которые вследствие тех либо иных причин испытали генетическое истощение. Например, в кругах интеллигенции Монголии бытует вполне обоснованное мнение, что уже много веков назад нация была "генетически обескровлена" чингисхановскими и последующими походами, в результате которых наиболее ценные носители генофонда – тогда это были воины – покинули территорию метрополии. Аналогичная ситуация характерна для некоторых горских народов, значительная часть которых была насильственно выселена либо эмигрировала, в результате чего пострадал генофонд оставшейся части. В России к возможным причинам обеднения генофонда в XX в. следует, по-видимому, отнести, помимо войн, несколько волн эмиграции, а также коллективизацию, репрессивные меры против интеллигенции, нынешнюю "утечку мозгов" (а также красивых девушек), etc. Данный феномен нуждается в тщательном исследовании и, несомненно, в учете при проведении культурной политики. Учет этот может осуществляться с помощью разных мер, в том числе за счет интенсификации межнациональных контактов, которые обычно способствуют улучшению генофонда.]

А на *"микроуровне"*, отвечающем деятельности отдельных личностей, представляется разумным принять во внимание прежде всего *специфику креативных личностей*, – ибо именно они играют главную роль в информационном социуме. Так вот оказывается [18], что тут имеет место так называемый феномен *"raraavis"* (ролевая ситуация "белой вороны"): чаще всего именно инонациональные "вкрапления" приводят к наиболее ярким результатам в искусстве. Блестящим примером этого феномена во французской поэзии XX в. стал поляк Вильгельм Костровицкий (Гийом Аполлинер), а в русской литературе и искусстве примеров таких много. Психологическая подноготная тут проста: для "беловоронности" – ощущения своей "особости" – вовсе не обязательно обладать какими-то "особыми" национальными либо расовыми корнями (как это было, скажем, у Пушкина), – отличие может быть любого рода, но желательно, чтобы оно имело место!

Как показал стилиевой анализ творчества 15 *гениальных деятелей* европейского искусства

(композиторов – от И.С. Баха до М.И. Глинки, художников – от Тициана до Рембрандта) каждый из них статистически значимо отличался от "широкой массы" своих более заурядных – хотя тоже знаменитых – современников, был действительно "белой вороной", хотя бы по нескольким параметрам творчества, т.е. был как бы "вылеплен из другого теста". К каждому заурядному художнику вполне применим общепринятый штамп "*Sonofhistime*" (т.е. типичный "сын своего времени"), – тогда как истинного гения можно назвать "*Sunofhistime*" ("солнцем своего времени"). Интересно, что аналогичную "беловоронность" проявляют и наиболее талантливые философы [19], и ученые [20]. Так что на самом деле инонациональность – лишь наиболее удобная ролевая ситуация, в которой гению легче проявить свою "инаковость".

[По-видимому, феномен "беловоронности" характерен не только для сферы творчества, художественного или научного, – но и для многих иных областей, где требуется поведенческая "нешаблонность", – например, для политического экстремизма. Автору вспоминается курьезная ситуация, когда, лет сорок назад, он прилетел в Баку на научную конференцию и поселился в гостинице в одном номере со своим приятелем А.И. Яблонским – тогда это был крупнейший математик – специалист по "закону Ципфа", т.е. статистическому распределению, которое часто наблюдается в социальных науках [21]. Тот сразу же покинул гостиницу – и вернулся полтора часа спустя, сияющий: он сбегал к памятнику 26 Бакинским комиссарам и выяснил их национальный состав. Из них оказалось только два азербайджанца, а остальные представляли инонациональные "вкрапления", причем с распределением как раз по закону Ципфа. Наверное, тут также проявился феномен "*raraavis*"?]

Сказанное наводит на мысли о совсем иной культурной политике, чем проводимая ныне, – об "опережающем стимулировании" инонациональных влияний! А кроме того, известно много попыток удалить из национальной культуры "чужеродные вкрапления" (для обеспечения "чистоты расы"), – как это было, например, в средневековой Португалии и современной Монголии, – и все они кончались плачевно – и для собственной национальной культуры, и для национальной экономики, и для международного сообщества.

Внутренняя культурная политика: корректировка иерархий

Разумеется, приведенные выше мотивы должны найти отражение при реализации куль-

турной политики, осуществляемой в каждой стране (хотя в особенности они актуальны для отечественных условий). Тут могут быть использованы разные формы интернационализации (в отечественных условиях – вестернизации), включая поощрение соответствующих направлений в художественной жизни, определенных форм межкультурных контактов (вдохновляет, в частности, уже название московского кафе "Билингва"), международных конкурсов и других мероприятий.

Однако помимо этого, несомненно потенциальные возможности "*собственно внутренних*" усилий культурной политики. Тут в качестве ориентиров вполне способны выступать недавно разработанные "*индикаторы вертикального развития*" социальных систем [22]. Дело в том, что динамика любой системы имеет "проекцию" на некое "*вертикальное измерение*" – свидетельство движения "вверх" либо, наоборот, "вниз", т.е. в направлении прогрессивном – либо, наоборот, ретроградном. [Противопоставление "высокого" и "низкого", благородного и низменного, гениальности и заурядности и т.п. – представляет собой фундаментальный информационный феномен, являясь общим для систем, которые относятся как к физическому миру, так и к миру ментальному, как к неживой природе, так и к социуму [23].

Можно предполагать, что *воздействуя* – средствами культурной политики – на некоторые из *индикаторов* вертикального развития (естественно, стремясь сдвинуть их в сторону, отвечающую движению социальной системы "вверх"), – мы сможем оказать *позитивное влияние на систему в целом*. Аргументом в пользу такого предположения является наличие в системе сильных связей между ее различными параметрами. (Тем не менее степень тесноты этих связей нуждается в дальнейших исследованиях.) Какие же из индикаторов нам следует отобрать для предлагаемого воздействия?

Из 16 групп индикаторов, разработанных для идентификации движения социальной системы (т.е. ее движения вверх либо вниз), – нас сейчас будут интересовать те, которые непосредственно связаны с происходящим *переходом* к информационному обществу и относятся к *социокультурной сфере* (т.е. могут, в принципе, подвергаться воздействию культурной политики). Анализ этого набора индикаторов свидетельствует, что из них наибольшей общностью обладают *четыре* группы (обозначенные в вышеупомянутой номенклатуре но-

мерами 3, 3б, 6 и 7а), причем некоторые из них оказываются тесно связанными друг с другом: Вот эти группы индикаторов, вместе с соответствующими им рекомендациями по реализации культурной политики.

– Индикаторы, "прямо отражающие" внимание, уделяемое социумом своему *информационному росту*. Тут, разумеется, следует прежде всего иметь в виду динамику *доли национального дохода*, идущую на *науку и образование*: желательно обеспечивать постоянный рост этой доли. Кроме того, можно прибегнуть к воздействию на такой индикатор [24], как *рост общей численности студентов и учащихся*. Думается, не надо доказывать, что позитивные воздействия (главным образом финансовые) на указанные индикаторы повлекут за собой желаемые сдвиги – в сторону роста социальной роли информации в сравнении с ресурсом.

– Индикаторы, отражающие *социальные последствия* ресурсно-информационных взаимоотношений. Эти последствия – *корреляция между бытующей в социуме оценкой различных видов деятельности* (скажем, профессий) – и их *"информационным наполнением"*. Можно отметить по крайней мере *два вида* таких оценок. Во-первых, возможны измерения – сопоставление *оплаты "информационной" деятельности* – и деятельности "ресурсной" – скажем, энергетической. (Например, можно сопоставить зарплату программиста и землекопа; для подобных сопоставлений следует использовать коэффициент ранговой корреляции между соответствующими иерархиями.) Однако едва ли в силах культурной политики *влиять* на соответствующие иерархии (разве что имеется возможность влиять на оплату труда в сфере культуры.) А во-вторых, измерения можно базировать на *социальной престижности* различных профессий (которая получается, например, посредством социологических опросов населения), сопоставляемой с их "информационным наполнением". *Воздействия* на соответствующие иерархии, конечно, весьма проблематичны, – хотя на социальную престижность можно, все-таки, влиять средствами культурной политики.

– Индикаторы, показывающие степень *независимости* различных иерархий, функционирующих в социуме. Из всех наличествующих иерархий (например, по уровню дохода, по радикальности политических взглядов, причастности к "властным структурам"), нас, очевидно, должны интересовать – в свете задач культурной политики – те иерархии, которые

непосредственно связаны с *духовным миром* личности, т.е. имеют в качестве своей основы творческие способности, уровень художественного развития, художественный вкус, *etc.* Следует способствовать независимости (или, по крайней мере, слабой зависимости) этих иерархий от прочих: ведь именно такие ситуации благоприятны для "вертикального развития" социальных систем [25]. *Измерять* связи между различными иерархиями можно, в первую очередь, посредством расчета коэффициентов ранговых корреляций, основываясь на эмпирических данных, получаемых в соответствующих социологических исследованиях. [Интересно, что 30-40 лет назад для кругов российских интеллигентов были существенны по меньшей мере две иерархии: первая имела в качестве основания официальный статус человека в советской партийно-государственной системе, – тогда как вторая базировалась на персональных, индивидуальных достоинствах человека, своего рода "Гамбургском счете" духовного мира. В большинстве случаев эти иерархии были очень разными.] Что касается *воздействия* на эти иерархии, то в распоряжении культурной политики имеются *два вида влияний*. Во-первых, можно способствовать формированию определенной среды, стимулирующей соответствующие межличностные контакты и способной порождать должные иерархии. (Речь может идти, в частности, о "клубах интеллектуалов"; перспективным вариантом развития духовной жизни является ее концентрация вокруг художественных музеев в крупных городах [26]. А во-вторых, имеется возможность влиять на *культурное предложение*, стимулируя усиленную поддержку преимущественно тех видов культурных благ, которые интересуют "высокообразованную элиту". Это вполне согласуется с духом современного программно-целевого подхода в версии "опережающих групп населения" [27], а также с результатами социологических исследований, которые свидетельствуют о целесообразности "элитарной" ориентации долгосрочной перспективы [28]. В результате будет увеличиваться разнообразие (энтропия) состояний социальной системы, что отвечает важнейшей тенденции ее "вертикального роста".

– Индикаторы, свидетельствующие о *растущей роли левополушарных процессов* в функционировании объектов культурной сферы. Это – прямая сфера компетенции культурной политики, каковая вполне способна стимулировать как создание, так и социальное функционирование объектов музыки, живописи,

поэзии, etc. Такое стимулирование должно базироваться на *измерениях информационных характеристик* конкретных объектов искусства, и соответствующие измерительные процедуры были разработаны для нескольких видов искусства [29]. Процедуры эти, несмотря на использование в качестве первичного материала оценок экспертов (музыковедов, искусствоведов, литературоведов и т.п.), оказываются практически свободными от обычного экспертного субъективизма, что достигается за счет должной "калибровки" каждого эксперта. Благодаря таким измерениям становится возможной "прицельная поддержка" определенных художественных направлений и даже конкретных произведений. А они, в свою очередь, способны оказывать весьма сильное влияние на состояние всей социально-психологической сферы. (Вспомним о цитировавшихся выше эмпирических данных – количественной оценке роли контактов с искусством во всей жизни социума.)

Как нетрудно видеть, приведенные возможности средств культурной политики, отвечающие четырем группам индикаторов, не только не противоречат друг другу, но, напротив, хорошо ("синергически") согласуются, формируя своеобразный "гармоничный сплав".

* * *

Мы обозначили самые общие контуры рекомендаций по проведению научно обоснованной культурной политики, исходящие из неоспоримого факта происшедшего (либо происходящего) перехода к информационному обществу, и лишь в отдельных случаях нам удалось "снизойти" к конкретике. Насколько полезно такое "абстрактное" рассмотрение? Можно предвидеть, что кому-то оно покажется очевидным, тривиальным, а кому-то, наоборот, парадоксальным и вызывающе-дерзким, противоречащим здравому смыслу. И подобные ожидаемые разночтения вдохновляют: значит, усилия были затрачены не напрасно! Но, помимо этого, хотелось бы кратко остановиться на двух моментах.

Во-первых, для многих практиков культурной политики (и для части теоретиков) не так уж очевидны даже те *направления*, в которых следует двигаться. Автор вспоминает анекдотическую ситуацию, в которую он попал более тридцати лет назад, когда захотел поехать в Иркутск на научную конференцию, и для этого попросил "специалистов" из отдела научно-технической информации созвониться с этим городом и навести справки о намечавшемся мероприятии. Те много дней пытались

это сделать, – но тщетно! Они мотивировали свою неудачу разницей в поясное время между Иркутском и Москвой – тем, что они даже оставались во вторую смену и звонили туда вплоть до полуночи! Им было невдомек, что поясное время сдвинуто в противоположную сторону, так что их усилия были заведомо тщетными. Так что ситуации, подобные описанной Марком Твенем варке "яиц всмятку", встречаются не только за океаном. Направление деятельности очевидно далеко не всем!

[*Aproros*, о том же свидетельствует и направленность нынешней российской культурной политики, равно как и состояние "науки о культуре". Подавляющее большинство усилий социальной и культурной политики направлено в сторону, диаметрально противоположную информационным рекомендациям, и лишь подавляет позитивные тенденции (потому-то это большинство и можно назвать "подавляющим"). В духовной жизни все это способствует наблюдаемому ныне росту серости, бесталанности, торжеству охлоса и "абнегизма" [30], и в конечном счете – ведет к деградации. Культурологи же продолжают упорно игнорировать (в основном из-за лени, каковая зачастую приводит к агрессивности) методы системно-информационного анализа, способные решить многие проблемы данной сферы.]

А во-вторых, как известно, выводы, которые получены с помощью разных методов, не следует считать "равномощными": их научная значимость зависит от того, в рамках какой *парадигмы* удалось к ним придти. Мы исходили из *системно-информационного подхода*, который обладает высокой степенью общности, и в этом нам также видится ценность полученных результатов, вписывающихся в создаваемую *единую систему научного знания*. А дальнейшая проработка конкретики – дело последующих, "проектно-технологических" исследований.

Примечания:

1. Голицын Г.А., Петров В.М. Социальная и культурная динамика: долговременные тенденции (информационный подход). – М. : КомКнига, 2005. – С. 29-33
2. Маслов С.Ю. Асимметрия познавательных механизмов и ее следствия // Семиотика и информатика (Сборник научных статей). Вып. 20. – М. : ВИНТИ, 1983. – С. 3-34; Петров В.М. Социальная и культурная динамика: быстротекущие процессы (информационный подход). – СПб. : Алетейя, 2008.
3. Голицын Г.А. Информация и творчество: На пути к интегральной культуре. – М. : Русский мир, 1997; Голицын Г.А. Искусство "высокое" и "низкое": системная роль элитарной субкультуры // Творчество в ис-

- кустве — искусство творчества / ред. Л. Дорфман, К. Мартиндейл, В. Петров, П. Махотка, Д. Леонтьев, Дж. Купчик. — М. : Наука; Смысл, 2000. — С. 245-264; Петров В.М. Социальная и культурная динамика: методология прогнозирования (информационный подход). — М. : ЛИБРОКОМ, 2012; Golitsyn, G.A., & Petrov, V.M. *Information and creation: Integrating the 'two cultures'.* — Basel; Boston; Berlin : Birkhauser Verlag, 1995.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — В кн.: Макс Вебер. Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990/1905.
5. Харрисон Л. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. — М. : Новое издательство, 2008; Харрисон Л. Главная истина либерализма: как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. — М. : Новое издательство, 2008.
6. Петров В.М. Прямое и не прямое воздействие искусства: Проблемы методологии и методики исследования. — М. : Русский мир, 1997.
7. Крампен М. О тоталитарном стиле в архитектуре // Культурологические записки. — Вып. 2. Тоталитаризм и посттоталитаризм / ред. Н.М. Зоркая. — М. : Гос. институт искусствознания, 1996. — С. 160-174.
8. Там же.
9. Голицын Г.А. Информация и творчество: На пути к интегральной культуре. — М. : Русский мир, 1997. — С. 175.
10. Петров В.М. Социальная и культурная динамика: быстропротекающие процессы (информационный подход). — СПб. : Алетейя, 2008. — С. 205-234.
11. Петров В.М. Социальная и культурная динамика: методология прогнозирования (информационный подход). — М. : ЛИБРОКОМ, 2012; Петров В.М. Мир повседневности — субъективные концепции пространства и времени (дедуктивное конструирование, информационный подход) // Мир психологии. — 2012. — № 4; Петров В.М. Полюсы информационной деятельности — и виды искусства: системно-информационный подход // Количественные методы в искусствознании / Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти Германа Алексеевича Голицына. Тезисы докладов / ред. В.М. Петров, Н.Н. Корытин. — Екатеринбург : Управление культуры администрации Екатеринбурга; Екатеринбургский музей изобразительных искусств; Государственный институт искусствознания (Москва), 2012. — С. 10-25; Petrov, V.M. *The Expanding Universe of literature: Principal long-range trends in the light of an information approach* // L. Dorfman, C. Martindale, & V. Petrov (Eds.), *Aesthetics and innovation.* — Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2007. — P. 397-425.
12. Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Б.А. Успенский. Этюды о русской истории. — СПб. : Азбука, 2002. — С. 393-413.
13. Петров В.М. Социальная и культурная динамика: быстропротекающие процессы (информационный подход). — СПб. : Алетейя, 2008. — С. 149-156.
14. Фохт-Бабушкин Ю.У. (ред.). Художественная культура и развитие личности (Проблемы долгосрочного планирования). — М. : Наука, 1987.
15. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 2. — СПб. : София, 1992.
16. Петров В.М. Социальная и культурная динамика: методология прогнозирования (информационный подход). — М. : ЛИБРОКОМ, 2012. — С. 15-17, 101-104.
17. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. — М. : Интер-Верс, 1991.
18. Petrov V.M., & Locher P.J. *Genius: A son of his time or a Rara avis?* // *Empirical Studies of the Arts.* — 2011. — Vol. 29. — № 1. — P. 111-128; Петров В.М., Куличкин П.А. Феномен "rara avis" в свете информационной эстетики: гениальный композитор — сын или пасынок своей эпохи? // Музыкальная психология и психотерапия. — 2009. — № 6 (15). — С. 21-35; Мажуль Л.А., Петров В.М. Творчество и феномен "rara avis" в свете информационного анализа: чем отличаются гениальные художники? // Мир психологии. — 2010. — № 2 (62). — С. 60-70.
19. Simonton, D.K. *Philosophical eminence, beliefs, and zeitgeist: An individual-generational analysis* // *Journal of Personality and Social Psychology.* — 1976. — Vol. 34. — P. 630-640.
20. Simonton D.K. *Scientific genius: A psychology of science.* — Cambridge : Cambridge University Press, 1988; Simonton D.K. *Creativity in science: Chance, logic, genius, and zeitgeist.* — Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
21. Петров В.М., Яблонский А.И. Математика и социальные процессы. (Гиперболические распределения и их применение.) — М. : Знание, 1980.
22. Петров В.М. Социальная и культурная динамика: методология прогнозирования (информационный подход). — М. : ЛИБРОКОМ, 2012. — С. 210-221.
23. Голицын Г.А. Искусство "высокое" и "низкое": системная роль элитарной субкультуры // Творчество в искусстве — искусство творчества / ред. Л. Дорфман, К. Мартиндейл, В. Петров, П. Махотка, Д. Леонтьев, Дж. Купчик. — М. : Наука; Смысл, 2000. — С. 245-264; Голицын Г.А., Петров В.М. Социальная и культурная динамика: долговременные тенденции (информационный подход). — М. : КомКнига, 2005. — С. 85-154.
24. Маслов С.Ю. Асимметрия познавательных механизмов и ее следствия // Семиотика и информатика (Сборник научных статей). Вып. 20. — М. : ВИНТИ, 1983. — С. 3-34.
25. Петров В.М. Элиты: становление и развитие иерархий. Информационный подход // Психология элиты. Идеология. Стратегия. Мораль. — 2009. — № 2. — С. 48-59.

26. Petrov V.M. Art in museums: Bridging gap between intuition and concept (Reflexion, expositions, and their social and psychological aspects) // *Rivista di Psicologia dell'Arte*. – 2008. – № 19. – P. 5-22.
27. Фохт-Бабушкин Ю.У. (ред.). Художественная культура и развитие личности (Проблемы долгосрочного планирования). – М. : Наука, 1987.
28. Петров В.М. "Вертикальное измерение" в искусстве и проблемы культурной политики // *Личность, креативность, искусство* / ред. Е. Малянов, Н. Захаров, Е. Бере-

- зина, Л. Дорфман, В. Петров, К. Мартиндейл. – Пермь : Пермский гос. институт искусства и культуры; Прикамский социальный институт, 2002. – С. 62-71.
29. Петров В.М. Социальная и культурная динамика: быстротекущие процессы (информационный подход). – СПб. : Алетейя, 2008.
30. Петров В.М. Социальная и культурная динамика: методология прогнозирования (информационный подход). – М. : ЛИБРОКОМ, 2012. – С. 206-207.

EDUCATION IN THE ARTS AND CULTURE AS A PRIORITY AREA OF MODERN CULTURAL POLICY

Kudrina Ekaterina Leonidovna, DSc of Pedagogical Sciences, Professor, Rector, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, RF), Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Honored Teacher of Kuzbass
E-mail: kudrina@kemguki.ru

The article describes the system of professional education in the field of culture and art, and development priorities with the current cultural policy of the state. The author believes that the government and the public recognition of the value of the education system will ensure stability in the development of the national culture.

Keywords: cultural and educational space; arts education; labor market; schools of culture and arts; education paradigm.

ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

УДК 304.4

В статье рассмотрена система профессионального образования в сфере культуры и искусства и приоритеты ее развития с учетом современной культурной политики государства. Автор считает, что государственное и общественное признание ценности системы образования обеспечивает стабильность в развитии отечественной культуры.

Ключевые слова: культурно-образовательное пространство; художественное образование; рынок труда; вузы культуры и искусств; парадигма образования.

В настоящее время отечественные процессы социальных изменений определяют траекторию и тенденции развития культуры, социально-ценностные ориентиры государственной культурной политики. На современном этапе требуется реализация системы мер, направленных на сохранение и развитие культуры, повышение эффективности деятельности субъектов развития культурных процессов, разработку стратегии культурной политики в стране, ориентированной на цели и задачи, определяемые государством и обществом. Современное общество характеризуется множеством новых социально-культурных особенностей, отдельные из которых представляются наиболее существенными с точки зрения рассматриваемой проблемы. Среди них: 1) приходит конец существованию обособленных, изолированных друг от друга социокультурных миров; 2) социокультурные миры все теснее сближаются в единую систему общечеловеческой, мировой культуры, скрепляются множеством разнообразных контактов; 3) появляются новые парадигмы культурного развития и развития современного образования.

Новые парадигмы культурного развития связаны:

– с изменением мира трансляции культуры;

© Кудрина Е.Л., 2013

КУДРИНА

Екатерина Леонидовна, доктор педагогических наук, профессор, ректор Кемеровского государственного университета культуры и искусств (Кемерово, РФ), Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Почетный учитель Кузбасса
 kudrina@kemguki.ru